

КРОКОДИЛ

№ 15 МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

МАЙ 1935

К556

ПРАВОСУДИЕ В ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ

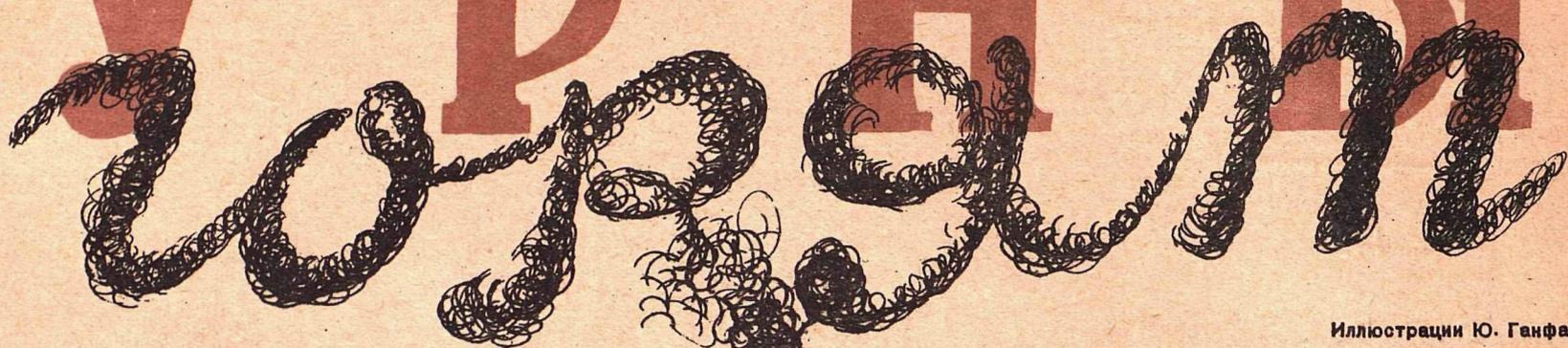
Фотомонтаж Б. Клиича

14

— Суд идет!

У Р Н Ы

Иллюстрации Ю. Гаффа

В чудесное майское утро Катюшин вышел на улицу погулять. Был один из тех замечательных московских выходных дней, когда и солнце, и растительность на московских бульварах, и веселый бодрый трамвайный звон, и гудки автомобилей настраивают на особо торжественный, мы сказали бы даже, праздничный лад.

К тому же только вчера вечером Катюшина, воршиловского стрелка, значкиста «ГТО», отличника модельного цеха и вообще превосходного парня, премировали на торжественном собрании часами и разукрашенной многочисленными батальными и индустриальными картинками грамотой ведущего ударника. А директор завода, с полного одобрения всех присутствовавших, воскликнул, любовно оглядывая складную фигуру Катюшина:

— Вот писатели ищут, где бы им найти нового, настоящего человека. А между тем, вот он здесь стоит перед нами на трибуне — этот новый человек.

И присутствовавшие дружно хлопали Катюшину.

В результате всех приведенных выше обстоятельств наш герой чувствовал себя, прямо скажем, превосходно. Он дружески ухмылялся всем встречным девушкам, шутило хлопал по плечу попадавшимся на пути детишек, горделиво скидывал взором огромные новые красивые дома, построенные еще так недавно, и восторженно, в который уже раз, заглядывался на нарядные станции метро.

И вдруг легкий запах гари заставил его насторожиться.

— Фу ты, чорт, — испугался он, — неужели пожар?

Но тут же, самое позднее через минуту, Катюшин сам рассмехался над своими страхами. Во всей округе определенно не было ни одного пылающего здания, никто не бросался из верхних, охваченных пламенем этажей на мостовую, не скакали пожарные команды. Толпы прохожих величаво, бездумно продолжали свой праздничный променад.

Дело оказалось до смешного мелким и простым. У самого подезда красивого нового дома дымилась урна. Очевидно, кто-то, закуривая, бросил в нее непотушенную спичку, и смрадный дым тяжелыми клубами поднимался из пышущей жаром свежевукрашенной урны.

— Это непорядок, — сказал Катюшин, — и попробовал принять меры на месте. Но это оказалось ему не под силу. Пришлось пойти разыскивать дворника.

Катюшин был немного в досаде. Ему было жаль тратить не для отдыха хоть одну минуту драгоценного выходного дня. Но хозяйское чувство взяло верх. И он долго рыскал по двору и бесчисленным коридорам подездов, пока не разыскал, наконец, дворника, благополучно почивавшего после трудов праведных.

Дворник, почесываясь, поднялся с ложа. Он встал во весь свой гигантский рост и, грозя очами, полюбоществовал:

— Чего надоть?

— Я вот гулял по улице и увидел: урна у вас дымится. Жалко урны. Денег стоит. Вы, пожалуйста, примите меры. Потушить надо.

Дворник брезгливо посмотрел на Катюшина: вот гуляют люди, и лезет им в голову всякая чепуха.

— Вы кто такой? Председатель жакта нашего?

— Нет, не председатель.

— Может, член правления жакта? Или ревизионной комиссии?

— Нет. И не ревизионной комиссии.

— Да вы-то хоть жилец нашего дома?

— И не жилец.

— Так какого рожна вы лезете не в свое дело? — миролюбиво сказал дворник. — Где это видано, чтобы посторонний человек так просто, за милую душу, пошел дворника разыскивать, чтобы про урну рассказывать. Тут, наверное, что-то не то. Много сейчас жуликов по дворам ходит. Смотрят, где плохо что лежит. Вы вот мне документик свой предъявите.

— Что за чорт? — возмутился Катюшин. — Какое вы имеете право принимать меня за жулика.

— А это уже мое дело, за кого вас принимать. Мы на это дело специально поставлены: за порядком следить и разных жуликов ловить. Так что вы, гражданин, того, документик предъявите. Ну паспорт, что ли.

— Фу ты, какая чепуха! Да урна-то за это время сгорит. Выйдите урну посмотреть. Как вам не стыдно!

— Но, но, но, — сказал дворник. — Вы тут голос не поднимайте. Это вам не старый режим, чтобы голос поднимать. Это раньше, я помню, как-то в 1908 году...

— Да не устраивайте здесь, милый человек, вчера воспоминаний. Урну тушить надо, дубовая твоя голова! — выпалил Катюшин всерьдцах и тут же спохватился.

Но было уже поздно.

— Ах так! — зловеще протянул дворник, и лицо его приняло неприятно официальные черты. — Выходит, ты дворника при исполнении служебных обязанностей оскорбляешь. Обратите внимание, граждане, — завопил он нехорошим голосом, — приходит к труждающемуся человеку неизвестный гражданин, документов не предъявляет, к жакту нашему отношения не имеет и называет трудящего дворника дубовой головой. Это как же получается — дубовая голова? Это что ж: если дворник, так его уже и оскорблять можно?

А надо сказать, что за время этой дискуссии вокруг Катюшина и дворника собралась уже порядочная толпа — члены здешнего жакта. Сосредоточенно и настороженно прислушивались они к словам Катюшина, и когда расстроенный чудовищной несправедливостью Катюшина, дворник обратился к насторожившейся домовой общественности, последняя среагировала на его призыв возгласами, полными гражданской скорби:

— Ходят тут по двору всякие. Граждане в выходной день — на улицу, а они — к нам в квартиру, на тихий уют и польта.

— Пристал какой-то паразит к труждающему дворнику!

— Это никуда не годится, всякий посторонний касается до нашей урны.

А один свежий голосок предложил за оскорбление дворника во время исполнения служебных обязанностей повести неизвестного, назвавшегося Катюшиным, в отделение, чтобы вывить, кто он такой есть и чего он по дворам в выходные дни лазит.

Стройная процессия вышла из туннеля ворот на улицу. Оторопевший Катюшин, ведомый под руки двумя жактовскими активистами, с тоской смотрел на чудесный солнечный пейзаж города. Толпы разодетых прохожих торжественно совершали свой праздничный променад. Звонки трамваев бодро переключались с автобусными гудками, с рожками таксомоторов, с жужжанием пропеллеров изящных стальных птиц, паривших в поднебесьи.

Около автобусной остановки Катюшин успел краем уха услышать возмущенный ропот толпы, сгрудившейся около приятного паренка. Паренек держал за шиворот мальчишку, которого только что снял с автобусной подножки.

— Это никуда не годится, — кричала тощая, кудлатая гражданка. — Это никуда не годится, — хватать мальчишек с подножки. Пушай мальчишки катаются. Сам, небось, в такси раз'езжает.

— Ты чего пацана схватил, что он — твой сын, что ли? — с тоской допытывался в свою очередь степенный прохожий.

— Граждане, — примирительно сказал тогда третий, — напрасно товарища лаете. Может, он Осодмил. Тогда это ему по штату положено — всяких детишек снимать, которые на подножках. — Но узнав, что снявший мальчишку в Осодмиле не состоит, гражданин тут же добавил: — А тогда дело другого рода. Раз не Осодмил, не лезь не в свое дело.

Снятый мальчишка, чувствуя моральную поддержку окружающих, торжествующе и надрывно плакал неправдоподобным детским голосом...

Где-то вдали дымилась непотушенная урна. Свежая краска, облупилаеь, и зловонный дым сгонял прохожих с тротуара.

Л. ЛАГИН

МАЛЕНЬКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПОСЛЕ РЕЧИ тов. С. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Рис. Б. Клинка

— Позовите к телефону товарища редактора.

— Кто его спрашивает?

— Читатель.

— Позвоните позднее... Его сейчас нет. И редактор полсжил трубку. Через час вновь раздался телефонный звонок. Редактор взял трубку и, как всегда, прежде чем узнать, с кем имеет дело, спросил не своим голосом:

— Кто говорит?

— Читатель.

— Позвоните позднее...

— Чорт возьми, когда же позднее... Я звоню третий день... Помимо того, что я читатель, я еще, главным образом, трудящийся... У меня срочное дело... Меня к вам направил тов. Н.

Слова — «направил... тов. Н.» подействовали.

— Подождите у телефона... Я сейчас узнаю, может быть, он пришел...

И, откашлявшись в сторону, на этот раз редактор заговорил своим хриловатым, домашним голосом:

— Я вас слушаю... Ладно... Заходите. Побеседуем. Очень приятно.

Так состоялась встреча читателя с редактором N-ской районной газеты.

— Прежде чем пойти к вам, товарищ редактор, — начал читатель, — я с удовольствием узнал о том, что в личной жизни вы — веселый человек. Ваши знакомые считают вас остряком. «О, — говорят они про вас, — тот парень за словом в карман не полезет...» Но почему-то в вашей газете нет ни одной улыбки, ни одного острого словца... Да... Почему вы так любите букву «к»? Все у вас — «к севу», «к случной кампании», «к школьному строительству», «к шахматному турниру»... В каждом номере у вас не меньше пятидесяти «к»... Ну-ка, попробуйте сказать подряд пятьдесят раз «к»... К—раз, к—два, к—три...

— Вы с ума сошли, — обиделся редактор. — Кто вам дал право... врваться в редакцию?

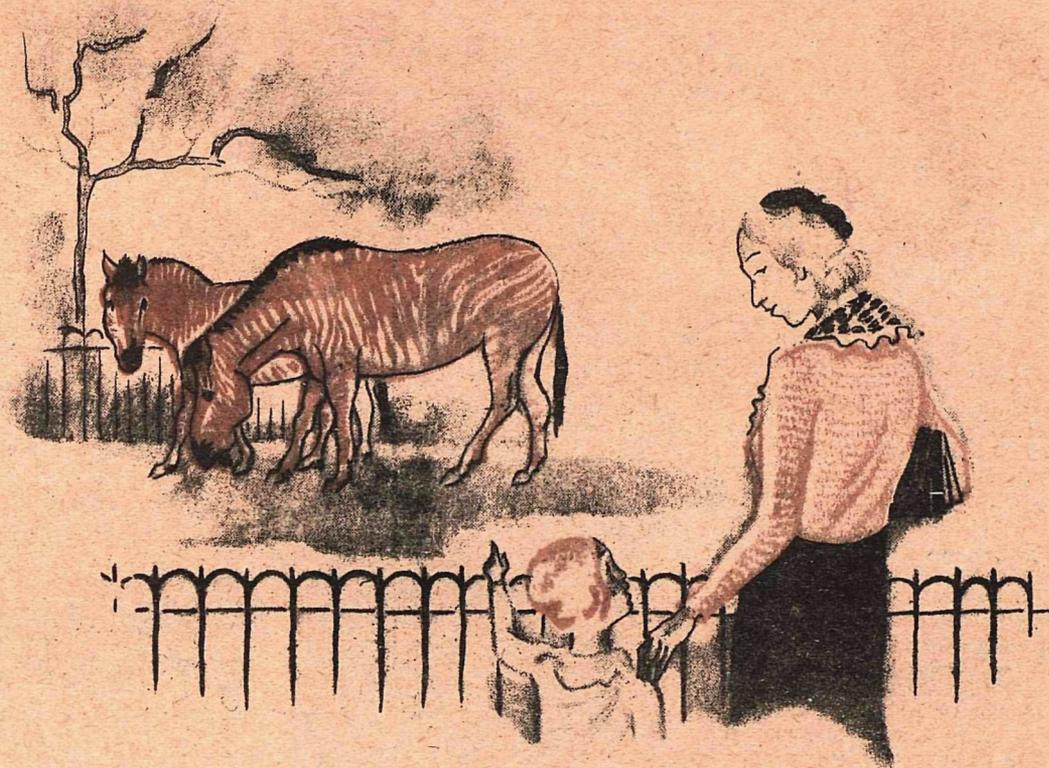
— А кто вам дал право изо дня в день морить нас, читателей, отчаянной скукой?.. Вы знаете, что это влияет на производительность труда... Майское небо сереет от вашей газеты. Звезды меркнут... Каждая заметка, тов. редактор, у вас кончается одним и тем же: «Райзо должно немедленно принять меры». И раз вы даже заметку «К вопросу о джиу-джитцу в японской школе» закончили: «Райзо должно немедленно принять меры»...

За последние номера я вам благодарен, — там нет ни одной заметки, за исключением официальных постановлений... Очень интересно... Занимательно... Эти дни я ограничился тем, что читал объявления... Кстати, у вас напечатано: «Пропала собака рыжей масти, передние лапы белые, грива на левой стороне». Это, конечно, мелочь, но у собаки не бывает гривы, тов. редактор...

— Все? — спросил резко редактор. — До свидания... Мне некогда... У меня газета...

— Куда вы торопитесь... Успеете... Вашей газеты не ждут... Добрые читатели так привыкли к тому, что ничего особенного в вашей газете не бывает, что если даже один день не выйдет газета, ей богу, никто не заметит... Теперь поговорим о праздничных номерах. У вас в газете бывает будничная скука и праздничная скука. Последняя отличается от будничной сентиментальностью и простите... подхалимством.

Хотя подхалимства хватает и в будничной скуке... Ведь вот, когда я звонил вам по телефону, не назови я тов. Н., вы бы меня не впустили к себе. Бедный тов. Н... Он и не знает, что вы его описываете в ваших очерках так же, как два года назад описывали его предшественника тов. З.,

— Мама, почему эта лошадка такая красивая? Она — экспортная?

который был отовзан из нашего района за головоутиство. Вы когда-то писали: «Как всегда, бодрой походкой вошел в комнату тов. З.», а сейчас пишете: «Как всегда, бодрой походкой вошел в комнату тов. Н.». «Спокойным, уверенным голосом он сказал...» «В голубых сияющих глазах его блеснула улыбка...» Между прочим, у Н. не голубые глаза, а карие... Голубые были у З... Это, конечно, мелочь.

Не будем придираться... Шесть лет назад, когда был у нас тов. Ф., вы писали: «Блеснув золотой улыбкой», — тогда это было понятно, потому что у Ф. золотые коронки, а у Н. их нет. А вы и про него пишете: «Блеснув золотой улыбкой». Не хорошо.

— Мы дали опровержение, — заметил хмуро редактор. — «Блеснув ровными, крепкими зубами».

— Тогда простите... Не заметил... В праздничных номерах у вас еще появляются очерки о детях... Бедные дети! Помимо того, что все дети в ваших очерках говорят междометиями «ой», «уй», «ай», вы еще заставляете наших прелестных ребят делать чорт знает что и без конца сюсюкать... «Ой, папочка, уй, мамочка, мне оцен хочется на дирижабль. Я напишу дяде Цялковскому, пусть прилетит мне формулу, и я тоже такой построю...»

Я знаю вашего сотрудника, который пишет о детях. Это циничный молодой человек в плюшевой шляпе. Предупредите, пусть переменит шляпу, дети следят за ним, и все это может кончиться плохо... Теперь поговорим о языке вашей газеты.

— Довольно! — закричал редактор. — Не позволю! Вы играете моим терпением! Вон!

— Я пришел вам сказать, — в свою очередь заметил читатель, — что мы уже не маленькие! Мы не позволим! Тем более, я знаю много хороших районных газет... Там нет подхалимства и скуки...

Но ему не дали закончить.

На крик сбежались сотрудники, и читатель вынужден был покинуть редакцию.

Через несколько дней в отделе происшествий появилась заметка «К вопросу о бродяжничестве». Заметка была написана одной фразой: «На днях в кабинет к нашему редактору забрел неизвестный гражданин, называя себя читателем, выкрикивая лапидарное «мы не маленькие», этот, якобы, читатель, обвинял нашу газету в том, что, якобы, она шаблонна, якобы, она скучна, якобы, она безграмотна, кому следует надо немедленно принять меры».

Б. ЛЕВИН

ФОКСТРОТ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Соревнование между двумя видами искусства — не бесполезное дело. Надо только соблюдать известную осторожность в самой технике соревнования. В городе Керке (Туркменская ССР) об этой осторожности забыли, и создалась несколько тревожная атмосфера на широком фронте искусства.

В один и тот же день в двух городских пунктах были намечены два развлечения. В межсоюзном рабочем клубе самостоятельный кружок собирался ставить спектакль «После бала», а в кино «Марс» был объявлен после картины конкурс танцоров, при чем лучшему фокстротисту обещана была в виде премии патефонная пластинка.

Как видите, есть от чего закружиться голове. Но жителей г. Керке почему-то все же потянуло в клуб, на спектакль. Тогда уполномоченный Туркменкинострета т. Саркисов с шестью матерыми танцовщицами с электростанции явился в клуб и в качестве решительной меры борьбы с нездоровой конкуренцией выключил свет.

Зрители вздохнули и пошли смотреть на танцевальный конкурс и на апофеоз вручения лучшему фокстротисту патефонной пластинки. Так и закончилась победа фокстрота на фронте искусства. При робком молчании зрителей. И что уже совсем плохо — при таком же пассивном созерцании тех организаций в городе, которые не имели права безмолвствовать при таком безобразии.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ОДНИМ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Один молодой поэт, довольно интересной волевой наружности, автор книги «На встречу жизни», влюбился на курорте в одну недурненькую особу.

Она не была поэтессой, но она имела все время склонность к поэзии. И от этого наш поэт совершенно от нее растаял.

Кроме того, она вдобавок понравилась ему как тип. То-есть, ее наружность соответствовала его идеалам.

Она была из блондинок, в то время как там у них, на юге, он говорит, преобладали все больше черноватые, которые не вызывали у него поэтических эмоций. Тем более, что он был лирик и, как он говорит, певец революционных будней. В результате чего он и влюбился в эту особу до потери сознания.

Ну, вообще — поэт. Мирозрение. Пылкая забывчивая натура. Стихи пишет. Любитель цветов и хорошо покушать. И ему всякая красота доступна. И он психологию понимает. Знает дам. И верит в их назначение.

Он встретил ее на побережье, куда он прибыл в сентябре месяце по путевке. И она тоже со своей путевкой прибыла туда же в сентябре.

И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась.

И у них там целый месяц прошел, как в угаре.

С одной стороны, — море, природа, беззаботная жизнь на готовом питании, с другой стороны, — понимание с полуслова, поэзия, переживания, красота.

То-есть, как во сне, промелькнули все дни, которые были один другого лучше.

И вот ударило время разлуки. Наступило время расставания.

Она вернулась к себе в Ленинград и приступила там к завершению курса каких-то там исключительных наук. А он прибыл к себе в Ростов или куда-то там в эти места. И там продолжал свою поэзию.

Но там он продолжать ее не мог, поскольку ему вспоминалась его особа. Он там тосковал по ней. И, будучи лириком, грустил.

И вот, просидев пару недель в своем южном городе, он вдруг моментально сложился и, никому ничего не сказав, дернул к своей особе в далекий Ленинград.

Он только в последний момент сказал своей супруге:

— Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой.

И с этими словами махнул в Ленинград. Тем более она его туда усиленно звала. Она ему говорила:

— Приезжай скорей. Я живу там совершенно одиноко. Совсем одна. Кончаю курс науки. Ни от кого не завишу. И мы там будем продолжать наше чувство.

И теперь, перебирая в своей памяти эти нежные слова, полные глубокого значения, наш поэт лихорадочно спешил поскорей с ней встретиться.

И он даже удивлялся, как это он не сообразил сразу выехать к ней, раз имелись такие великолепные предпосылки.

Короче говоря, он прибыл к ней и вскоре держал ее в своих объятиях.

И они оба были так довольны, что и сказать нельзя.

Она его спросила: надолго ли? И он ей поэтически ответил: навсегда.

И они опять были очень довольны.

Но он у ней остановиться не мог, поскольку она жила не одна в общежитии.

Но без некоторого волнения он вдруг увидел в ее уютной комнате четыре постели, при виде которых сердце оборвалось в его груди.

Она сказала:
— Живу с тремя подругами по образованию.

Он сказал:

— Я это вижу и недоумеваю. Вы мне сказали о своем одиночестве, через что я и имел смелость приехать. Вы, кажется, мне прихвастнули.

Она сказала:

— Я это сказала «живу одиноко» не в смысле комнаты, а в смысле чувства и брака.

Он сказал:

— Ах, вот что. В таком случае это недоразумение.

После чего они снова обнялись и долго не могли друг на друга налюбоваться.

— Он сказал:

— Ну, ничего. Я пока буду жить в гостинице. А там мы посмотрим. Может быть, вы кончите образование или, может быть, я напишу какие-нибудь ценные стихи.

И она сказала:

— Вот и хорошо.

Он переехал в гостиницу «Гермес» и там стал с ней жить.

Но он порядочно уже поистратился и недоумевал, что же, собственно, будет дальше. К тому же, на его несчастье, сразу после его приезда она была два дня подряд именинница. То-есть, один день у нее были ее именины. И наш поэт, зная немного жизнь,

...Кроме трех строк, ему ничего не удалось из себя выжать...

было уже совсем успокоился. Но на второй день, прямо без перерыва, ударило вдруг ее рождение. И наш поэт совершенно обезумел от трат на это. На первый день он ей купил кондитерский крендель. И думал — только и делов. Но узнавши об рождении, он растерялся и купил еще ей бусы. Каково же было его удивление, когда она, получив бусы, вдобавок сказала:

— Сегодня, по случаю моего дня рождения, я бы хотела в этих бусах пройтись с вами в какой-нибудь ресторан.

И при этом она сказала ему еще что-то про поэта Блока, который в свое время тоже любил почему зря бывать в ресторанах и в кондитерских.

И хотя он ей ответил уклончиво:

— То Блок...

Но все же вечером он с ней побывал в ресторане, где страдания его достигли наивысшего апогея по случаю порционных цен, о которых в Ростове слышали только мельком.

Нет, он не был скуп, наш поэт, но он, так сказать, совершенно вытряхнулся. И к тому же, имея мелкобуржуазную сущность, он ей не решился сказать о своем крайнем положении. Хотя намекал, что в гостиницах ему спокойно. Но она, подумав о его нервности, сказала:

— Надо взять себя в руки.

Он пытался взять себя в руки. И в день ее рождения попробовал было оседлать свою поэтическую музу, чтоб настроичить хотя бы несколько мелких стихотворений на предмет, так сказать, продажи в какой-нибудь журнал.

Но не тут-то было. Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт просто удивился от того, что у него с ней случилось. Во всяком случае, по прочтении продукции ему стало

...Продал на рынке свое пальто...

ясно, что не может быть и речи о гонораре. Получилось нечто неслыханное, что поэт приписал отчасти своей торопливости и неспокойствию духа.

Тогда наш молодой поэт, подумав о превратностях судьбы и о том, что поэзия — дело, в сущности, темное, не способствующее ведению легкой жизни, продал на рынке свое пальто.

И налегке побывал со своей барышней там где она того хотела.

После чего он рассчитывал пару дней прожить, стараясь ни о чем не думать, так сказать, в полное свое удовольствие, снимая пенки с блестящего ресторанного вечера. И только уже после этого он решил обдумать свое положение. И как-нибудь извернуться. В крайнем случае он думал признать некоторую сумму у своей особы.

Но на другой день после ее рожденья вдруг ударил в Ленинграде ранний мороз. И наш поэт в легком пиджачке стал на улице попрыгивать, говоря, что он совершенно закалился там у себя на юге и потому так ходит почти без ничего.

В общем, он простудился. И слег в своей гостинице «Гермес». Но там удивились его нахальству и сказали, что прежде следует заплатить за номер, а потом хворать.

Но все же, узнав, что он поэт, отнеслись к нему гуманно и сказали, что вплоть до выздоровления они его не тронут.

После каких-то слов поэт совершенно ослаб физически и дней шесть не поднимался с постели, ужасаясь, что даже за лежащего жильца даже в советских условиях насчитываются за номер те же суточные деньги.

Барышня его посещала и приносила ему погреть, а то ему пришлось бы совсем невероятно. И может быть, он даже бы не поправился.

После выздоровления поэт было думал снова на пущку поймать свою музу. Но та вовсе отказала что-либо путное ему присочинить. И поэт до того упал духом, что дал себе обещание, в случае если он выпутается благополучно из создавшегося положения, непременно найти службу, чтоб не полагаться в дальнейшем на чистое искусство.

Правда, после того как у него в номере побывал директор гостиницы, поэт еще в третий раз пробовал приблизиться к своей поэзии, но, кроме как трех строк, ему ничего не удалось из себя выжать:

«В который раз гляжу на небо
И слышу там пропеллеров жужжанье,
И кто-то вниз сгигает на...»

Но уже слова «на парашюте» никак не входили в размер стиха. После чего поэт окончательно захандрил и сложил оружие.

Мечты же — занять у своей подружки — оказались тоже не реальны. К его удивлению, в тот самый момент, когда он было решился ей сказать об этом, она сама ему сказала о том же, но только про себя, а не про него. Так что поэт, ослабший от болезни, не сразу даже и понял всей остроты ситуации. Она сказала, что ей до получения пособия осталась ровно неделя и что если он сможет, то пусть ей кое-что одолжит, тем более, что она ему покупала еду во время болезни.

Он сказал: непременно.

И после ее ухода решил ликвидировать свой коверкотовый костюм.

Он продал на рынке костюм, отчасти устроился со своими делами и в одной майке и в спортивных брючках вдруг в один прекрасный день явился к нам в ленинградский литфонд, где и рассказал нам эту свою историю.

И мы ему дали за этот рассказ сто рублей на билет.

И он нам сказал:

— Эта сумма мне хватит, чтобы уехать. А я бы желал прожить еще тут неделю. Мне бы этого очень хотелось.

Но мы ему сказали:

— Уезжайте теперь. И лучше всего устройтесь там у себя на работу. И параллельно с этим пишите иногда хорошие стихи. Вот это будет правильный для вас выход.

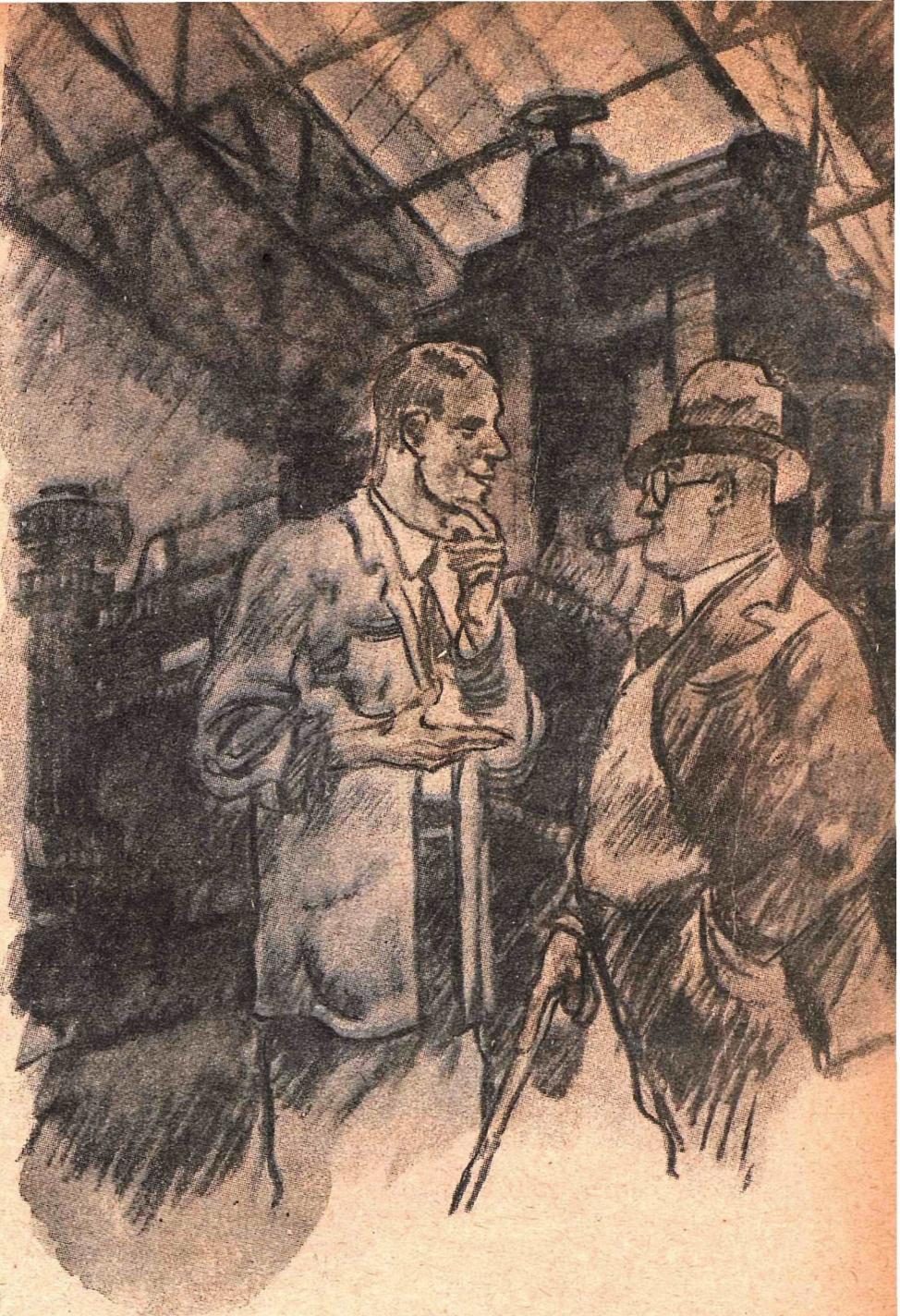
Он сказал:

— Да я так, пожалуй, и сделаю. И я согласен, что молодые авторы должны, кроме своей поэзии, опираться еще на что-нибудь другое. А то вон что получается. И это правильно, что за это велась кампания.

И, поблагодарив нас, он удалился. И мы, литфондовцы, подумали словами поэта:

«О, как божественно соединение,
Извечно созданное друг для друга.
Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко».

На этом заканчивается история с начинающим поэтом.

ДВА МИРА — ДВЕ ЛОГИКИ

Рис. М. Храпковского

ИНОСТРАННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ: — Вы прекрасно наладили производство на этом заводе. Теперь вас наверх, переведут на лучший?

СОВЕТСКИЙ ИНЖЕНЕР: — Наоборот, на худший: налаживать производство.

ПОЧЕМУ У НАС НЕТ ВЕСЕЛЫХ КОМЕДИЙ?

Однажды утром, встав от сна и слабо помахав руками взамен утренней зарядки, писатель Бенвенутов обратился к своей жене:

— Я вот думал, Люсеня, почему у нас нет веселых, смешных пьес? Надо, чтобы публика смеялась. Надо, чтоб было весело. Я задумал написать смешную пьесу. Комедию. Чтобы смеялись...

Хотя слова эти были произнесены не очень веселым и задорным тоном, а медленно и тягуче, Люся поверила, что ее муж, Бенвенутов, действительно задумал что-то уморительное.

— Ну что ж, Петруша, напиши комедию. Конечно, надо, чтоб публика смеялась.

Через несколько дней, опять же утром, помахав руками, Бенвенутов сказал:

— Люсеня, кочешь, я тебе расскажу план моей будущей пьесы?

— Кочу, Петруша, — ответила Люся, уселась поудобней в кресло и приготовилась слушать.

Бенвенутов задумчиво прошелся по комнате.

— Я вот думал, — начал он методически, — почему наши драматурги изображают только *полноценных* людей. С головой, руками, ногами. Почему ничего не пишут о калеках? Героем моей пьесы будет такой человек, у которого сначала нехватает одной руки...

Люся осторожно хихикнула, но Бенвенутов строго посмотрел на нее.

— Героем моей пьесы будет калека. В первом действии у него будет нехватать одной руки. Во втором действии ему ампутируют ногу. Затем ему отрежут уши, а под конец это будет просто обрубок...

Люся сидела растерянная, с круглыми глазами.

— Петруша, — заикаясь, спросила она, боясь испугнуть его вдохновение, — ты думаешь, публика будет весело смеяться над этим... обруском?

Бенвенутов раздраженно пожал плечами.

— Почему смеяться? Это совсем не обязательно... Может быть, какой-нибудь идиот и будет гоготать...

Люся почувствовала себя душой.

— Но ведь ты же хотел написать комедию!.. Чтобы публика...

— Хотел? — нетерпеливо переспросил Бенвенутов. — Я давно раздумал.

Рис. Ю Ганфа

— Странные вы люди, швейцарцы, — совсем не отпускаете товара в долг.
 — Не могу, сударь: вы же немецкий эмигрант, а у меня и так троих должников за этот месяц фашисты украли!

НЕОСТОРОЖНЫЙ БИМБАЕВ

Трудно было даже представить, что в таком маленьком рыжем человечке, с непростительной щедростью осыпавшем веснушками, могло накопиться столько капитальных знаний. И Бимбаев орудовал ими, как орудует кайлом терпеливый и деловитый рудокоп, пробивая мощные пласты твердых пород.

Его с большой опаской звали в гости, потому что при появлении на столе простого кахетинского вина Бимбаев говорил мягко и вскользь:

— Лучшее вино производится на склонах Аррагон, в городке Тумбез. В 1894 году местный виноградарь Курсо дал образцы, не уступающие малаге. Умер Курсо бездетным.

И все понимали, что человека такой высокой культуры надо угощать только порвейном не дешевле шестнадцати рублей за бутылку.

На службе Бимбаев ограждал себя знания-

ми, как частоколом, от всех попыток заставить его работать.

— Славяне не умеют работать, — снисходительно говорил он, отодвигая от себя груды срочных бумаг. — Труд, рассчитанный на неподвижность и искривление позвоночника, уже осужден в 1887 году голландским физиологом ван-Браменом. Возьмите австралийских фермеров. Легкий завтрак, белая одежда, винтовка Манлихера образца 1892 года и вечерний воздух — вот что закаляет человека и делает его восприимчивым. Он быстро загорает, и память его может удерживать целые главы из библии. Это метко определил профессор Висбур в книжке «Верхом за зебрами».

После этого Бимбаев уходил в красный уголок играть в шахматы, а сослуживцы сконфуженно чувствовали себя славянами и распределяли между собой срочные бумаги с бимбаевского стола.

Он возвращался отдохнувший и, избегая вопросов, почему у него обеденный перерыв затянулся до конца работы, говорил авторитетно и с некоторой грустью, складывая чистую бумагу в портфель:

— Лето в полном разгаре. Самое жаркое лето бывает во Флориде. Там даже собаки умирают от солнечного удара на руках у своих хозяев. Последняя собака, умершая таким способом, была Топси, принадлежавшая в 1886 — 89 годах королю клея Дранку. Впоследствии Дранк торговал козьими шкурами и покровительствовал речной гребле. Портреты его были помещены в иллюстрированных изданиях.

После этого он облегченно вздыхал, освободившись от некоторой доли мучившего его научного груза, и уходил со службы первым.

Но особенно подавлял своими знаниями Бимбаев в тех случаях, когда внезапно начинал

носить полотняные воротнички, лихорадочно бриться и водить на дешевые места в кино какое-нибудь неопытное существо в сиреновой блузке. Таких существ у Бимбаева было много. В тридцать семь лет человек уже имеет право действительно тянуться к личному счастью. Бимбаев просто еще не знал, на каком идеале женщины ему остановиться. Должна ли это быть голубоглазая Гретхен, с двумя иностранными языками и с папой-спецом на всякий случай, или порывистая и пылкая Кармен, уже пересквашавшая в собственную квартиру в новый дом. Он еще был на распутии. Но к каждой он подходил одинаково, подавляя ее бурлящими в нем знаниями.

— Нет, Катя, — грустно шептал он в кино, ерзая на покатом стуле. — Это не жизнь. Я не люблю юг на экране. Температура меня не радует. Я люблю северные широты. Возьмите Норвегию. Льды. Прессовка льдов была впервые введена в половине прошлого столетия. Шведские предприниматели первые поняли это и рассылали прессованный лед в Данию, где им пользовались для сохранения молока.

— Неужели молока? — ласково и встревоженно спрашивала Катя, уже начинавшая гордиться своим собеседником.

— Именно молока, Катя, как это ни странно, — задумчиво подтверждал Бимбаев, подсаживаясь ближе. — Молоко пьют везде. Только на Цейлоне, после массовых отравлений молоком в 1873 году, его заменили в законодательном порядке соком кокосовых орехов. Кокосовые орехи есть и на острове Борнео, где они и составляют 39 % экспорта. А может, и больше.

— Безусловно больше, — соглашалась Катя и тактично отвечала на легкое бимбаевское рукопожатие.

В дальнейшем, если научный поход и не давал особенно осязательных результатов, все равно Катя и другие Кати — звали ли их Сонями или Валями — уже скептически смотрели на других собеседников.

— Это вам не Бимбаев... Ну, обидели человека веснушками, ну, допустим, что он на данном отрезке времени рыжий и маленький, но

зато какие слова... Посидишь с ним — и точно вечернюю газету прочтала...

Так шли дни и дела Бимбаева. И росла его популярность среди друзей и знакомых. И, как это всегда бывало в истории с загадочными счастливицами, карьеру его разбила женщина.

Звали ее Наталия Петровна. Кроме этого лаской звучащего имени, были у нее серые глаза, грудной голос и умение терпеливо и внимательно слушать. Неизвестно в силу какого из этих качеств, но Бимбаев так неожиданно и с такой экспрессией влюбился в Наталию Петровну, что мог около нее только молчать и потеть от волнения. Для того, чтобы быть любимым, этого, конечно, мало. И Бимбаев долго готовился к той решительной минуте, когда он сможет раскрыть перед Наталией Петровной все глубины своего культурного багажа и заставить ее почувствовать обычное в этих случаях смутное восхищение.

И счастливая минута настала. Вернее, это была даже не скромная минута, а солидные два часа, в течение которых они сидели на бульварной скамейке, молчали и не без некоторой лирики прислушивались к далеким паровозным гудкам и протяжной ругани пьяных за оградой поблизости.

Привычным движением Бимбаев взял Наталию Петровну за руку и подтянул к себе. Не менее привычным движением она положила к нему голову на плечо, используя этот старый классический прием.

— Вот мы сидим, Наташа, — оптимистически начал Бимбаев, успокоенный податливостью любимой девушки, — и сидим. Мы, так сказать, неподвижны. А как развивается движение! Волосы становятся дыбом. Экспресс между Чикаго и Вашингтоном проходит 80 километров в час!

— Сто девяносто, — ласково уронила Наталия Петровна. — Иногда даже больше.

Бимбаев несколько насторожился, но чувствуя щекощущие ухо волосы Наташи, взволнованно добавил:

— Юг! Какое слово! Всех оно тянет к себе. Как цветок мимоза. Путешественник Ливингстон в 1853 двинулся на юг Африки и прошел пешком от Замбези до Лоанды.

Подумайте, Наташа, вот мы сидим здесь, а на африканском юге уже открыто озеро Моето и Бадвелло.

Наташа осторожно подняла голову, поправила волосы и суховаты заметила:

— Теперь там уже автобусное движение. Два отеля для путешественников.

Бимбаев испуганно посмотрел на собеседницу и робко произнес:

— Я люблю путешествовать. Особенно, если есть время, на океанских пароходах. Океанский пароход, делающий рейсы между Гамбургом и Нью-Йорком, вмещает тысячу сто пассажиров, располагает одиннадцатью буфетами, залами для карт и кегельбаном.

— Три тысячи пассажиров, — холодно сказала Наталия Петровна, резко отодвинувшись, — площадка для тенниса и для футбола, а также собственный театр и газета. Пойдемте домой, Бимбаев.

— Посидим еще, — с жалобной тревогой промямлил Бимбаев, — здесь так хорошо. Зелень. Звезды. А сколько их! Еще недавно живущий во Франции французский астроном Фламарийон...

— Умер, — уже почти враждебно перебила его Наталия Петровна и поднялась, — похоронили в Париже. Последние открытия в области астрономии принадлежат американским ученым. Вам куда? Мне налево.

— Разрешите, я провожу вас...

Дорогой Бимбаев убито молчал. Наконец он не выдержал и тонким голосом спросил:

— Наталия Петровна... Я человек не молодой, у меня веснушки и вообще все рыжее, но я хочу любви и ласки... Что мне делать?

Она тоже немного помолчала и ответила:

— Переходите с энциклопедического словаря «Брокгауза и Эфрона» издания 1899 года на «Большую советскую». Это помогает. Кстати, я работаю корректором в типографии, где она печатается. Хотите, могу дать несколько томов?

Бимбаев снял шляпу, поклонился и ушел. С этого вечера его слава как носителя тайн науки и знания померкла.

Арк. БУХОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ДВОРЦА ТРУДА

Рис. М. Ганфа

— Что такое физкультминутка?

— А это то самое время, которое ВЦСПС тратит в течение года на рассмотрение вопроса о физкультуре на предприятиях.

СТРАШНЫЙ ПРОФЕССОР

Сереза решительно не любил врачей. Весь опыт его шестилетней жизни говорил ему, что ничего хорошего нельзя ждать от этих людей, которых называли тяжелым словом «доктор» и которые являлись почти исключительно тогда, когда у Серезы бывало скверное настроение, когда ему хотелось плакать, и мама, приложив губы к его горячему лобку, уже произносила встревоженно:

— Кажется, у нас есть температура...

Да и как было любить этих докторов с их отвратительной манерой давить на язык ложечкой и тискать большими холодными руками Серезин живот? Потом доктора оставляли после себя злое щипце записки, которые очень быстро превращались в противно-жирную касторку, горький хинин и другие скверные лекарства. Нет, нет, от этих людей ничего хорошего ждать нельзя. Это Сереза знал наперед.

Так и на этот раз. Сереза пытался даже скрыть, что ему не по себе. Но плохое настроение, связанное с «температуркой», заставило его раза три беспричинно заплакать. Хитрая мама догадалась прижать губы к Серезиному лбу, было сказано насчет «температушки», и Серезу положили в кровать. Серезу мутило, болело горло. На другой день появился доктор. Конечно, тискал живот, заставлял хрипеть «а-а-а», больно прижав язык. Потом появился опять через день, опять тискал и заглядывал в глотку, будто хотел узнать, что Сереза сегодня ел. Кроме того, он вертел его во все стороны, как куклу, и произнес новое, никогда не слышанное Серезей слово:

— Сыпь.

— Сыпь? — с тревогой переспросила мама.

— Сыпь.

Доктор вышел куда-то с мамой, слышно было, что они о чем-то говорили, затем оба вернулись, и доктор сказал:

— Уход за ним будет, конечно, самый тщательный. В scarlatine вообще ведь опасна не болезнь, а осложнения... А кстати, покажем его профессору Филаткину, — ведь он там возмужает...

Погрустневшая мама как бы невольно обняла Серезу, прижала к себе, а Сереза тоже убитым голосом спросил:

— Мамка, профессор — это что?

— Профессор, солнышко мое, это тоже доктор. Самый главный доктор.

Сердце у Серезы сжалось в тревоге: уж если простой доктор приносит столько неприятностей, чего же можно ждать от главного доктора, от профессора? Профессор, наверное, и строг без меры и осматривать будет с какими-нибудь особенными вывертами и членовредительством, а лекарства пропишет самые страшные. И Сереза горько заплакал, тесно прижавшись к своей мамке.

На другой день Серезу, закутанного во множество одежд — своих и чужих, — понесли и повезли куда-то, где его ждал страшный профессор.

Серезу внесли по лестнице в коридор со многими дверями. В коридоре томились и зевали разные дяди и тети. Серезу разоблачили и вскоре ввели в дверь, около которой сидело больше всего дядей и тетей. Сереза похолодел: он был уверен, что сейчас объявится профессор.

За дверью, в светлой белой комнате с письменным столом, кушеткой, умывальником и какими-то белыми шкафчиками сидел старый дядя в белом халате, с белыми усами и белым клочком волос на подбородке. На голове у этого дяди волосы были только сзади, и очень немного, но тоже белые, как будто их подбирали под цвет комнаты и мебели. В комнате были еще один дядя и одна тетя, но Сереза сразу понял, что главный здесь именно этот старый дядя. Старый дядя улыбался, на щеках у него от этого играли ямочки, и весь он был такой симпатичный и нестрашный, что Сереза подумал с облегчением: это еще не профессор...

— Здравствуй, приятель! — ласково сказал старый дядя Серезе. — Тебя как зовут?

— Сереза... А тебя?

— А меня — Полкан.

Все заулыбались, а Сереза, смеясь, закричал:

— Врешь, врешь, врешь! Это — собачинское имя. А дядей и мальчиков так не зовут!

— Сереза! — с укором сказала мама.

Старый дядя перебил ее:

— Ты что же болеть вздумал?

— Это не я вздумал. Это доктор меня вздумал болеть... И еще мама со своей «температуркой»...

— Вот оно что... Ну, а кто-то мне — не помню — говорил, что, мол, Сереза не умеет показывать горло.

Сереза нахмурил брови, которые состояли еще не из волос, а скорее из пуха:

— Ниоткуда ни с чего наговорят на человека... Показывал я это горло сто раз. И когда маленький был и то показывал, а теперь — уж...

— Значит, умеешь? Не верю!

Сереза, раскрывая рот и высовывая язык, пророкотал:

— Ну, яра, требре... (Ну, на тебе).

Дядя очень деликатно дотронулся до языка и сразу сказал:

— Молодец, умеешь. Закрывай рот. Теперь я слышал, ты сам раздеваться не умеешь, это — правда?

— Кто не умеет? Я даже шнурки сам разобинкиваю, а ты... И Сереза оживленно стал сбрасывать одежду. Впрочем, вскоре произошла заминка с пуговицей на лифе.

— Заело? — поинтересовался старый дядя.

— Да... небось, пуговица-то сбоку, а я сам — спереди...

Все засмеялись. А старый дядя по-докторски ошупал Серезу, но как-то очень приятно, и руки у него были теплые, приятные. Потом Серезу одели, и старый дядя сказал другому дяде:

— Николай Владимирович, пройдите, пожалуйста, с этим молодцом в инфекционное отделение и распорядитесь.

Весело попрощавшись со старым дядей и обещав ему непременно сообщить, когда у них в детском саду будет вечер самодеятельности, Сереза выбыл на руках у мамы и рядом с новым дядей. Они прошли по бесконечным коридорам. Успокоившийся было Сереза опять взволновался. Он осторожно искоса поглядел на сопровождавшего их с мамой Николая Владимировича и спросил:

— Дядя, а ты — не профессор?

Николай Владимирович, засмеявшись, сказал:

— Нет, я, брат, только ассистент. А когда буду профессором, я тебе дам знать.

— Вот, вот, — обрадовался Сереза. — Ты уж не забудь, скажи, а то я тогда с тобой не буду водиться, небось, профессора-то страшные...

Посмеялись. В общем, этот был, конечно, не такой приветливый, как старый дядя в белых усах, но тоже довольно симпатичный. А главное — не профессор.

Потом пришли в другую белую комнату, где сидела тетя в пенсне. Мама и Николай Владимирович о чем-то стали говорить с этой тетей. Скоро Николай Владимирович ушел. А тетя все поглядывала на Серезу, и Сереза ощутил снова прилив беспокойства.

— Тетя, ты не профессор? — набравшись храбрости, спросил Сереза.

Тетя улыбнулась, повернув голову, сверкнула стеклами пенсне и сказала:

— Нет, я не профессор. Но если ты будешь шалить, то я расскажу профессору!

Сереза поспешил зарыться лицом маме в плечо. Мама погладила его по голове и успокоила:

— Что ты, Серезенька, доктор ведь шутит...

Опять у Серезы несколько отлегло: все-таки не профессор.

Между тем, тетя в пенсне говорила маме:

— Сейчас я вызову дежурную фельдшерницу, и мы вашего кавалера пристроим. — Тут она крикнула: — Товарищ Очесова!

В комнату вошла серьезного вида тетя в халате и в косынке. Она строго посмотрела на всех присутствующих. Прежняя тетя в пенсне что-то ей объяснила, а потом сказала Серезиной маме:

— Ступайте за товарищем Очесовой, гражданка. Она вас проведет.

Мама с Серезей на руках пошла за этой новой тетей в косынке. Скоро они пришли в большую комнату, где стояло много кроватей. Подойдя к одной из кроватей, тетя в косынке откинула одеяло и объявила:

— Мы его поместим здесь. Попрощайтесь и...

Мама крепко прижала к себе Серезу, поцеловала. Не глядя на него, прошептала:

— Ты посиди, Серезенька, я сейчас... я только за газетой.

И мама, так же не глядя, пошла к двери.

Слезы брызнули из глаз Серезы раньше, чем он понял, что ему хочется плакать.

— Мама, куда ты?! Мамка! Ма-ам!!

— Не кричи! — строго сказала тетя в косынке. — Здесь нельзя плакать. Здесь надо слушаться.

Слезы у Серезы на секунду высохли, он спросил:

— Профессор? Ты — профессор, тетя?

— Никакой я не профессор. Сядь как следует. Нуша!

— Иду, иду я, — откликнулась еще одна тетя и подошла к кровати. — Чего вам?

На этой тете тоже были халат и косынка. Лицо у нее было очень сердитое. Прежняя тетя уступила ей место подле Серезы, а сама пошла к двери, распорядившись:

— Переодень его. Я сейчас впишу в ведомость и дам заявку сестре-хозяйке.

Сердитая новая тетя придвинулась к Серезе, ворча:

— Переодень, прибери, вынеси... Только все над тобой командуют!

И она стала стаскивать с Серезы его курточку. Левая рука Серезы запуталась в рукаве, тетя сердито дернула. Сереза тихо всхлипнул.

— Чего еще? — отгрызнулась тетя. — Здесь, брат, не дома. Поаккуратней кричи!

Сереза ничего не осмелился ответить сердитой тете, он только подумал:

«Вот он — профессор. Попался я к нему в лапы...»

И, облачившись в больничную рубашечку, тихонько прикурнул на твердой подушечке.

В. АРДОВ

К. Р.

ПЕРМАНЕНТНОЕ НОВОСЕЛЬЕ

В Третьяковской галерее картины систематически переносятся из одной комнаты в другую.

ИВАН ГРОЗНЫЙ: — Пойдем, сынок, а то опять кто-нибудь лучшее место захватит!

Рис. К. Ротова

Рис. Л. Соффертиса

— Как председатель ЦК нашего профсоюза я должен сказать, что, судя по газетам, работа у нас в ЦК ведется, кажется, из рук вон плохо...

ЛЮБВИ ВСЕ ДОЛЖНОСТИ ПОКОРНЫ

Это было весной. Весной тысяча девятьсот тридцать пятого года.

Весна!

Мы поставили восклицательный знак. Мы могли бы снабдить это волшебное слово точкой или многоточием. Но разве безмолвные знаки препинания могут хоть в тысячной доле отразить чарующее влияние весны?

Дышала холодом весна тысяча девятьсот тридцать пятого года.

Но разве вторжение арктических масс воздуха, облачность с чередующимися осадками и утренние заморозки могут умерить силу весны? Разве могут они охладить пылкое сердце влюбленного? Конечно, не могут.

Поскольку речь зашла о сердце и любви, необходимо коснуться паспорта. Потому что в нашем рассказе о любви паспорт играет выдающуюся роль.

Итак, благословясь, начинаем.

В Москве, на Страстном бульваре, дом № 2, проживает — и в домовый книге прописана — гражданка Лихачева. Молодая гражданка. Машинистка. Работает в Аэрофлоте.

У гражданки Лихачевой есть сестра. Ничего в том странного нет, — это может с каждым человеком случиться.

Фамилия сестры Урусова. Живет она в Москве. Имеет жилплощадь и паспорт. А муж недавно уехал работать на Шатуру.

Уехал муж гражданки Урусовой работать на Шатуру, и сестры решили поселиться вместе. Домоуправление ничего не имеет против. И Урусова переехала в комнату своей сестры, Лихачевой.

Паспортный стол 13-го отделения милиции отказывает в прописке. Лихачева обращается по телефону к зам. начальника милиции Октябрьского района тов. Белоусову. Тот разрешает. Пусть завтра к нему зайдет любая из сестер — все будет оформлено.

Итак, все в порядке. На улице весенний дождик. Звенят трамваи. Гудят автомобили. Сестры легли спать. Заснули.

Только заснули — вдруг категорический стук в дверь...

Заходит инспектор 13-го отделения милиции Искрин и при нем дворник.

— На каком таком законном основании гражданка Урусова ночует без прописки?

Инспектору объясняют, как и что. Но он, суровый исполнитель закона, и слушать не хочет. Составляет протокол о нарушении правил паспортизации, угрожает штрафом и уходит. За ним с гордой осанкой шествует дворник, важно крутя свои седеющие усы.

Дворник. Протокол. Прописка. Инспектор. А где же обещанный рассказ о любви? Граждане и гражданки, немножко терпения! Все, что мы обещали, будет исполнено.

А посему вам знать надлежит, что инспектор Искрин, уходя из комнаты, у самых дверей обернулся, взглянул на Лихачеву, кашлянул. И только после этого покинул помещение...

Это было весной.

Весна!.. Она делает чудеса, волшебница-весна.

Пушкин, тот самый, чей памятник стоит недалеко от дома, где проживает Лихачева, выразился однажды таким образом: «Любви все возрасты покорны».

От себя добавим, на основании имеющихся у нас проверенных материалов:

«Любви все должности покорны».

Даже человек, находящийся в должности инспектора милиции, начинает под внешним солнцем любви таять, как свечка.

Рано утром Лихачева пошла в милицию. Ее с радостной улыбкой встретил чисто выбритый инспектор Искрин.

— А! Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Вы насчет протокола? Насчет штрафа? Не беспокойтесь. Очень прошу вас не волноваться. Все будет улажено. Я сегодня вечером лично найду к вам. Если окажется у сестры паспорт и московская прописка, протокол будет аннулирован. Все зависит от меня...

В семь часов вечера к Лихачевой пришел инспектор. Пришел в сопровождении дворника. Дворник всегда обязан сопровождать начальствующих лиц во время их обхода по квартирам.

Лихачева показывает Искрину паспорт сестры. Он и смотреть не хочет.

При чем тут паспорт и протоколы? Загляните в душу инспектора милиции: там чувства водятся, там песни зреют.

Понизив голос, он сказал Лихачевой: сестру прописывать не следует, потом ее, ведьму, не выселишь. Как человек опытный, он советует Лихачевой выйти замуж. Надо только с разбором, — подыскать мужа солидного, непьющего. А что касается протокола, то он еще завтра зайдет к ней по этому вопросу. Протокол — чепуха, его можно легко аннулировать.

На следующий день инспектор опять явился к Лихачевой. Опять в сопровождении дворника. Сел и стал рассказывать свою биографию. Потом перешел к своим житейским планам. Это продолжалось часа четыре. Затем он ушел, обещав завтра прийти и окончательно ликвидировать печальное дело с протоколом.

Короче говоря, в течение пятидневки каждый вечер инспектор в сопровождении дворника являлся к Лихачевой и просиживал часа по четыре. Лихачева притворялась, что не понимает намеков влюбленного инспектора, и все сводила разговор к прозе: надо ли ей платить тридцать рублей штрафа или не надо?

Искрин уклонялся от прямого ответа и продолжал свои посещения.

Первым вышел из терпения дворник. Практик по натуре, он не любит лишних разговоров и невыясненных отношений.

Дворник присылает Лихачевой записку:

Извиняюсь!

Мне уже надоело ходить с этим несчастным начальником. Вы, наверно, видите, что тут кроется в наших посещениях.

Он меня просит посватать, но сам почему-то не может разрешить этот вопрос самостоятельно в лице вас. Как вы на это смотрите, ему нужно сообщить.

Дворник (подпись неразборчива)

Но даже это трогательное письмо не взволновало жестокосердечную гражданку Лихачеву.

Она ответила отказом. Дворник по долгу службы доложил об этом в 13-е отделение милиции, инспектору Искрину.

В ответ на эту вылазку зловерной машинистки из милиции получилось распоряжение:

«Взыскать штраф в размере 30 рублей. Гражданку Урусову выслать!»

Весна...

Что ты делаешь с людьми, злодейка-весна!

Г. РЫКЛИН

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

РАДИКАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рис. К. Ротова

КОММЕРЧЕСКАЯ НОГА

До пяти часов столовая была открыта только для прикрепленных. В дверях толпились прикрепленные, отрывали от пропусков квиточки и бросали их в коробку из-под скороходовских башмаков. Потом становились в хвост к кассе.

— Что вы мне, гражданка, дасте? — волновались прикрепленные. — Котлета стоит 82 копейки, а вы мне суете талон на 17 копеек?

— Не беспокойтесь. Под 17 идет именно котлета. У кого граждане, рубли, подходите без очереди...

Столы были покрыты грязной клеенкой. Только солонка стояла на них. Соль перемешана с хлебными крошками. Кажется, даже цветы не пахли и смотрели на посетителей презрительно, как и подавальщики. Один из прикрепленных, по фамилии Соколов, залучив, наконец, подавальщика, седоусого, строгого, сказал:

— Если б я заказал яичницу, так за это время из яичницы жареные цыплята были бы...

Седоусый сердито пересмотрел талоны, переключился с кассиршей: «За восьмикопеечный колбаса идет?» и ушел, не скоро вернулся.

— Грязно на столе, хоть бы стерли... — сказал Соколов.

— Либо стирать, либо подавать...

— Грубый какой вы старик...

— Какие есть. А за старика и вывести можем...

С шести столовая была открыта для всех. Когда Соколов вошел, швейцар дотронулся до козырька фуражки. На столе белели скатерти, хвоста у кассы не было. Официанты обрядились в докторские халаты, скрипач настраивал скрипку. Соколов сел. К нему подбежал седоусый. Соколов узнал его.

— Ну как, старик?

— Живем-с! — весело сказал седоусый, смахивая салфеткой невидимые человеческому глазу пылинки на скатерти. — Что прикажете?

Достал карточку, слетал за кушаньем, вернулся с хлебом, с подогретыми тарелками, переставил поближе горчицу, укус, соль, приглаженную ножом. Встал у стены, незаметно следил за Соколовым. Когда Соколов поморщился, подбежал:

— Пережарен?

— Нет. Горчица.

— А! Сердитая-с! — и, улыбувшись, прищурил глаза.

ПУГАЛО

Собрались владельцы индивидуальных огородов. На повестке стоял один вопрос — о пугале.

— По примеру прошлых лет, — начал энтузиаст-огородник (у него репа до двух фунтов выросла), — необходимо соорудить на все огороды два-три пугала.

— Птица теперь такая окаяная пошла, ничего не боится. Надо что-нибудь пострашнее. Вот у вас, Иван Степанович, пиджак со-

хранился? Страшный такой? Один рукав длиннее другого, спина горой Эрзерумом?

— Вполне могу пожертвовать. Я его шил по индивидуальному заказу, но как только надел, — жена в обморок. Я ходил было в нем рыбу удить, да рыбы боялся его...

— Отлично! Отлично! Такой пиджак золото для пугала...

— У меня брюки есть. Короче сказать, штаны. Тоже по ордеру. Но у одной штанины очень бешеный цвет. Вторая-то поинтеллигентнее. Но тоже, тыфу, тыфу, чтоб во сне она не приснилась!..

— Где бы еще шапочку для пугала?

— Есть у меня такая. Называется «жокей». На углу в райкоопе купил. После первого дождя вот она во что превратилась.

Кто-то взвизгнул даже. Шапка была страшнее отрезанной головы.

— Бе, бе... — цокая зубами, заключил энтузиаст, — от такого пугала не то что воробьи — и орлы закачаются!..

ПЕРЕОЦЕНКА СЛОВ

Писатель заканчивал восторженный очерк о 72-м прыжке одной из парашютисток.

«Да, можем воскликнуть мы, — писал он, — Вера по-настоящему мужественная парашютистка!»

И точно кто толкнул его под бок:

— А почему «мужественная»?.. 72 прыжка! Ты, мужчина, мог бы сделать хоть один?

Писатель, обладавший немалой дозой воображения, ясно представил. Вот он вылезает из кабины... Ветер. Внизу ничего. Небо...

— Ох, не мог бы, — сознался шопотом писатель и потрогал усы.

— Надо бы написать: «...по-настоящему женственная парашютистка».

Но шаблон победил. Писатель оставил по-старому.

ХУДОЖНИКИ

Когда портрет был готов, оригинал воскликнул:

— «Да это ж прямо фотография! — Позвольте! — рассвирепел художник. — Это фотография?»

Косые глаза, удлиненный нос, квадратный подбородок? Это моя манера, манера Пикассо минус Леонардо-да-Винчи...

— Нет, это же сплошная фотография, — вздохнул оригинал и положил рядом с портретом последнюю с себя фотографию.

И тот и эта были похожи друг на друга и не похожи на оригинал.

В. ТОБОЛЯКОВ

К.Р.35

— А я тебе говорю: если бы им дали каждому по мячу, этой свалки никогда бы не было.

КАРАУЛ!

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Где — неважно, все равно,
Есть издательство одно.
И слывет оно примерным,
И в количестве безмерном
Выпускаются тома
Гвичардини и Дюма.
Что за роскошь переплета —
Дермантин и позолота.
Удивляйся, вся страна:
Две обложки — не одна!
Так, в селе в разгаре лета
Франт носил по два жилета
И — хоть солнце сушит рожь, —
Пару глянцевого калош.
Из колхозной из деревни
Изгнан этот способ древний.
Но издательство хранит
Сей традиции гранит.
И роскошные прикрасы
Выпускает тотчас в массы
Целой серией томов
По пятнадцати рублев.
В долгом времени аль вскоре
Приключилось мне горе:
Дотянулась их рука
До «Конька до Горбунка».
Трое братьев очень смело
Принимаются за дело.
Что? Не братья? Ничего!
Есть духовное сродство!
Скажем так, — три гражданина:
Первый плотный был мужчина,
Средний — тощий, словно сельдь,

Младший — вовсе Розенфельд!
Он художником назвался,
Почесался, посморкался
И почал средь бела дня
«Иллюстрировать» меня.
Ну, а я — покойник, братцы!
Так чего со мной считатьсья?
Я безмолвствую — и вот
Попадаю в переплет.
Полубуйтесь немножко:
Вот вам первая обложка¹.
Выдам премию тому,
Кто поймет здесь — что к чему.
Вот красуется вторая,
Ярким золотом играя².
Безусловно это герб,
Но не молот и не серп.
Я прошу простить за смелость,
Но на вывесках имелась
Эта самая муря
У «поставщиков двора»!
Я же не был никогда им,
И «двором» был почитаем
Среди прочих всех людей
Как крамольник и злодей!
Вот конек, герой рассказа,
Сказки основная база,
Не конек он, а прохвост:
Что ни миг — меняет рост!³
Здесь, как видите вы сами,
Он снабжен двумя горбами⁴.
Повернем страницу! Ба!
Тут он вовсе без горба⁵.
Что касаемо Ивана,
То хотя меня нирванна

Поглотила, так сказать,
Я должен протестовать!
Здесь — он попросту глупенек⁶,
Тут — типичный шизофреник⁷.
(Моего ж сказанья дух:
Он умнее старших двух!).
Чтоб поддать побольше жару,
Дам еще «Иванов» пару.
Оба разные с лица⁸
И другого образца⁹.
Краски блеклы, тусклы, грязны,
Произвольны, безобразны,
Чур меня, ребята, чур
От пошлейшей из халтур!
Ну, а что до старших «братьев», —
Не могу никак понять их:
Первый, плотный — он собой
Прикрывает сей разбой!
Средний, мягкий по натуре,
Николаевской цензуре¹⁰
(Проявляя странный пыл)
Многоточья уступил, —
И в конечном результате
Наш трудящийся читатель,
Наша школа и рабфак
Получают вредный брак!
Я прошу, чтоб поместили
Очень срочно в Крокодиле
Вывод мой. А он таков:
БЕЗОБРАЗЬЕ!

П. ЕРШОВ

Опубликовал по просьбе П. Ершова,
автора «Конька-Горбунка».

Ник. АДУЕВ

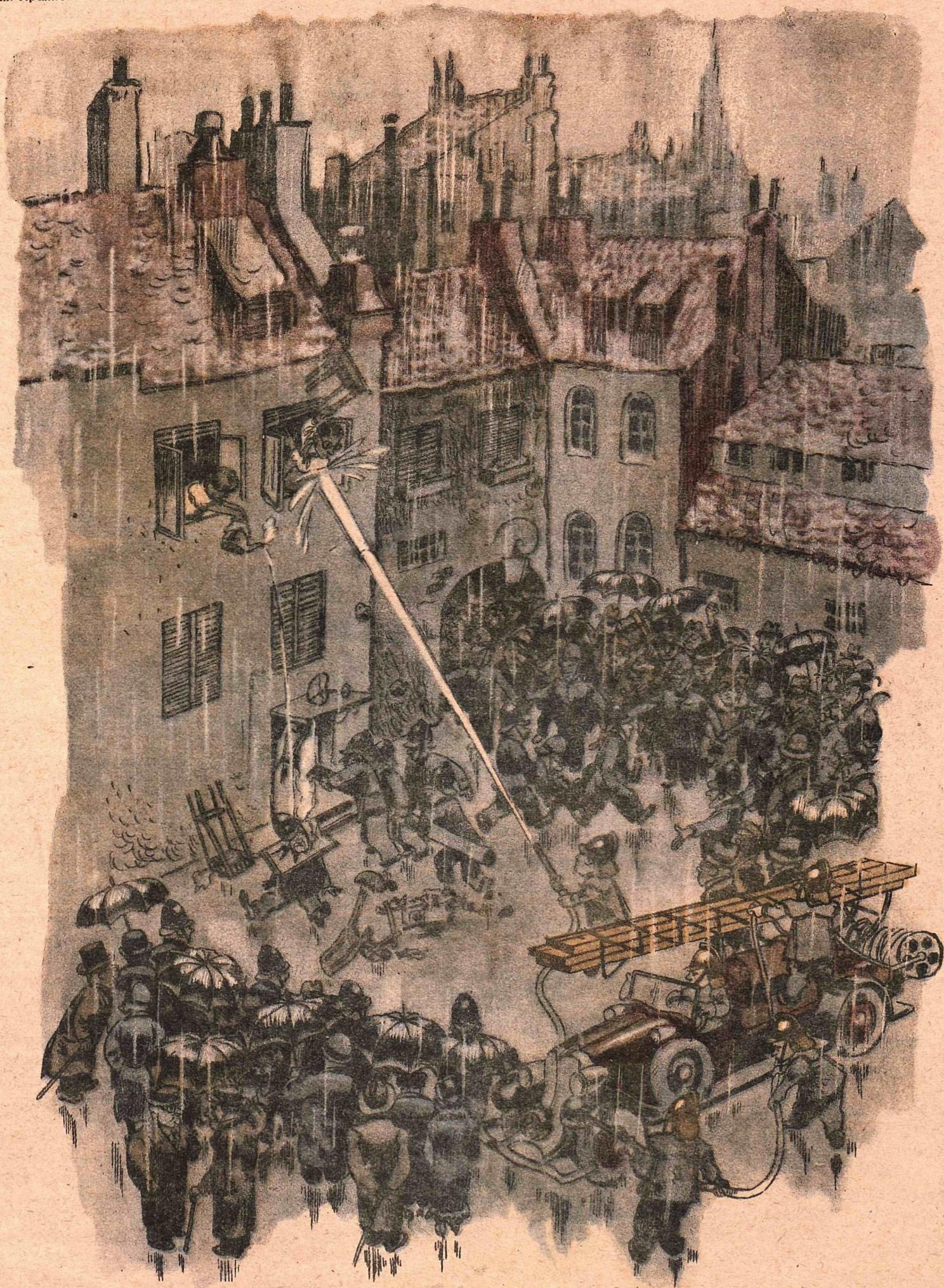

Вместо примечаний автор письма приложил подлинные иллюстрации „Конька-Горбунка“ в издании „Академия“.

„МОЙ ДОМ—МОЯ КРЕПОСТЬ“

Дом ирландского писателя О'Келли был осажден полицией за неуплату налога.
(Из газет)

Рис. М. Храпковского

— Наконец-то у нас писатели окружены всеобщим вниманием!

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я сам не корововладелец, а только борюсь за справедливость. А у моего знакомого в Жмеринке есть корова, сам он человек тихий, и его оштрафовали на десять рублей.

Дело было так. Шла его корова по улице, задумалась и налетела на автомобиль. Большой катастрофы не было. И корова и автомобиль остались целым, но милиция обиделась. Потому что это уже третий случай в Жмеринке, что коровы сталкиваются с автомобилями, и наоборот. И вот оштрафовали моего знакомого за коровью бесприворность на десять рублей. Конечно, тут по принципу не ударишь. Корове на улице делать нечего, и пусть гуляет в непубличном месте. Но ведь руля у коровы нет, управлять ею некому, а у автомобиля и руль, и гудок, и запасные части. Пусть сам не наезжает, а штрафовать — так обоих поровну. А чего же на одну корову наваливаться?

В. БАРВИНСКИЙ

Жмеринка.

Дорогой Крокодил!

У меня есть зеркальный шкаф, и соседи ежеминутно влезают ко мне в комнату, чтобы причесаться перед ним, поправить галстук или посмотреть, как сидят брюки. Один раз вошел даже совершенно незнакомый человек, который хотел проверить перед зеркалом, похудел ли он за последнее время. И мне приходится все время это терпеть, потому что зеркало действительно нужно каждому, а у нас в Канске зеркала давно уже не продаются. Хорошо еще, если находится сострадательный человек, как я, с зеркальным шкафом, а то хоть наливай воды в бочку и смотришь в нее.

Н. КАСПЕРОВИЧ

Канск, Красноярский край.

Дорогой Крокодил!

Я выписал в г. Куйбышев из московского Посылторга электрический утюг. Ты уже, наверное, ждешь, что прислали кофейник или ботинки. Ничего не прислали, кроме запис-

ки. А в записке сказано черным по белому: «Гов. Завоев, сообщите ваш правильный адрес, так как город Куйбышев нам неизвестен и какого края». Что же теперь делать заказчикам Посылторга, например, из Ленинграда или Горького: именовать свои города Санкт-Петербургом или Нижним-Новгородом, чтобы не ставить в тупик посылторговский аппарат?

И. ЗАВОЕВАНОВ

Гор. Куйбышев.

Дорогой Крокодил!

Небольшая жанровая картинка, которая, может быть, тебе пригодится. Четвертый Сыромятнический переулок в г. Москве. В одном и том же доме — Росвинснаббыт и Мосвинзавод. Окна раскриты. Работники Росвинснаббыта видят работников Мосвинзавода. Те — их. Можно, если что-нибудь понадобится, прямо высунуться из окна и сказать. Послать курьера. Самому, наконец, спуститься. И что же: управление Росвинснаббыта переписывается с Мосвинзаводом по телеграфу.

Вместо того чтобы прямо зайти в производственное управление винзавода, курьер должен пройти мимо него, дотти до телеграфа, сдать там телеграмму и вернуться обратно, второй раз пройдя мимо того же управления. Остается только удивляться, как сотрудники Росвинснаббыта сами с собой не разговаривают по телефону и не вызывают такси, когда нужно попасть в соседнюю комнату.

А. КУЗИН

Москва.

Уважаемый Крокодил!

Пять лет в г. Киржаче (Ивановская обл.) мы дожидались стадиона. Дождались. Место было отведено, очищено и внезапно засажено картошкой. Стадиона не стало даже в наметке. Что нам теперь делать? Очевидно, дожидаться, пока горсовет не найдет площадь для огородов, и тогда, может быть, на ней

внезапно сделают стадион. Иногда выхода мы не предвидим.

С. АЛЕКСАНДРОВ

Киржач, Ивановской области.

Дорогой Крокодил!

Дело идет о пороссячьей скуке. У главврача районной больницы Азбукина А. А. имеется поросенок в 24 кило весом. Ну так. А пороссячьа мама живет в другом месте. Поросенку, конечно, скучно. Животное. И вот главврач заставляет сторожа носить поросенка по два раза в день к маме. Чтобы не похудел и опять же от упомянутой скуки. А поросенок кричит на чужих руках, и сторожа никогда нет, и больные очень недовольны. А я тебе обо всем и сообщаю.

К. ОСТРОВСКИЙ

Краснопольский район
Харьковской области.

Дорогой Крокодил!

Я — рабочий литейного цеха завода им. Ильича в г. Мариуполе, имею пятидесятилетний производственный стаж и по старости получаю пенсию. Ударник.

Недавно я, перевыполнив план, был премирован одиннадцатью рублями. Деньги, правда, небольшие, но старому производственнику дорожа честь.

Но оказалось, что эту премию почему-то включили в барыш, удержали с нее подоходный и культурный налоги. И в дополнение всего на эту сумму уменьшили пенсию.

Недавно я сдал в заводское бюро рационализации предложение и теперь нахожусь в сильном сомнении. Как будет, если мое рационализаторское предложение будет принято и меня премируют за него ста рублями. Как бы у меня не удержали эту сумму из зарплаты.

Дорогой Крокодил, посоветуй, пожалуйста, что делать? Может быть, взять обратно мое предложение, пока не поздно (в бюро рационализации это делается не так скоро), а то, пожалуй, себе дороже будет стоять?

С. Г. ГРИШАЕВ

г. Мариуполь.

Дорогой Крокодил!

На днях со мной был такой случай. Пошел я в музыкальную оперетту «Холопка». Взял с собой одну знакомую. Сидим, смотрим. В антракте знакомая просит напоить ее ситро. Хочу я встать со стула, — не могу. Раз попробовал, два попробовал. Наконец осмелел, приподнялся и выдрал кусок брюк. Поднялась и моя знакомая. Сначала надо мной смеялась, а как оставила на гвозде кусок шелковой юбки, сразу смех прекратился. Скажи, пожалуйста, кому это потребовалось сажать зрителей на гвозди? Я знаю, что это похоже на анекдот, но ведь после такого анекдота мне пришлось шить новые брюки, а моей знакомой — юбку. Здорово обслуживают зрителя в Киевской музыкальной комедии.

Л. СОКОЛОВСКИЙ

Киев.

Товарищ Крокодил!

Разрешите мое недоумение по поводу художественной линии Ленинградского облрперткома. Когда во время майских дней артисты представили на утверждение свой репертуар, Леноблрпертком почему-то отвел отрывки из «Войны и мира» Л. Толстого, «Песню о буревестнике» М. Горького, отрывки из «Железного потока» А. Серафимовича. Потерпел фиаско и композитор Чайковский. Ария Гремина из «Евгения Онегина» была сметена могучим ураганом. Погибли от недремлющего ока Леноблрперткома арии Ливы и Елецкого из «Пиковой дамы». Попутно не повдоровилось и старику Биве. Его «Хабанера» из «Кармен» оказалась несозвучной. Под общим пеплом погиб и пролог из Леонковалловских «Паяцов». В чем дело? Чье это неумное рвение: создать никому ненужные анекдоты?

А. ДЬЯЧКОВ

Ленинград.

ПРЕДЛАГАЕМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

Мы, конечно, именно за это. За лаконичность, ясность и четкость в переписке.

И слава тем, которые умеют всего в одной фразе создавать незабываемые образы и запечатлевать глубокие мысли. Вот, например, переписка Ярцевского райдортранса с межрайонным автоинспектором т. Меламедом:

НА ВАШЕ ПИСЬМО ОТ 20/III 1935 г. ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ПОД ВАШУ ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАМ БОЛЬШЕ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ.

С АВТОДОРГПРИВЕТОМ.
Инж. ИВАНОВ

Ответом на такое письмо может быть только такая же изысканная фраза, срочно занятая у Глеба Успенского:

«Не по поступкам поступаю, молодой человек...».

ВЫНУЖДЕННОЕ РАЗ'ЯСНЕНИЕ

Тов. Винницкий послал из Киева в редакцию «Крокодила» два письма. И оба с неверным адресом. Письма пришли в Москву, попали в опытные деловые руки работников московского почтамта и, конечно, вернулись обратно.

Разыскать журнал «Крокодил» в Москве оказалось немислмной, почти титанической работой для этого скромного учреждения. Тем не менее, отмечаем это как несомненную заслугу перестроившегося московского почтамта, — кое-какие сведения о местонахождении журнала «Крокодил» почтатну дать удалось.

И он, со всей присущей ему любезностью, сообщил их т. Винницкому в Киев путем наклеек на возвращаемых письмах:

«Выяснено, со всей ответственностью, что: «Крокодила» во Дворце труда нет».

Преклоняем головы перед этим суровым фактом и переходим к следующему, еще более разительному.

Вторая справка грустно извещает, что «Крокодил» **выбыл в Оганевку**.

Товарищи из московского почтамта! Почему именно в Оганевку? Где она, эта самая Оганевка, и почему именно в нее? Может быть, мы хотим в Тирасполь или в Калугу. Или на станцию Бологое! Почему такая лихая переброска даже без предупреждения перебрасываемых? Зачем так торопиться? У нас еще много дела в Москве.

Во всяком случае, предупреждаем т. Винницкого и московский почтамт, что в Оганевку мы не уехали. Не хочется.

РОКОВАЯ КОЧКА

В незадачливых стенгазетах еще до сих пор иногда, после бичующих статей о машинистке, которая красит губы, ставится гневное восклицание:

«Ударим чуждый элемент по крашеным губам!»

В печатных изданиях от таких восклицаний принято воздерживаться. Этого правила, к сожалению, не придерживается районная газета «Путь Ленина» (г. Усмань, Воронежская обл.), поместившая следующую заметку:

КТО ВИНОВАТ?

19 апреля в тракторном отряде № 7 (бригадир Чельников) произошел несчастный случай с трактористом Исаковым. Он на ходу машины регулировал водяной краник, споткнулся на кочку и попал под трактор и сильно повредил ногу.

Прокуратуре нужно расследовать, кто в этом виноват?

Иванченко.

Спрашивается: кого же здесь, по мнению газеты, должна обвинить прокуратура: кочку или трактор?

Недостает только еще гневного восклицания под заметкой: «Ноги прочь от кочки!»

ИЗ МИРА НЕВЬЯСНЕННОГО

С тех пор, как одному гражданину в Зап. Сибири была выдана справка о том, что он «находится в состоянии», мы думали, что рекорд в этой области уже побит. Выдумаете ли что-нибудь более эффективное и незабываемое?

Оказывается, можно. Стансовет ст. Сторожевой, Черкесской авт. области, ухитрился. Вот справка, выданная некоему гр. Степанову:

СПРАВКА

Дана настоящая Степанову Петру в подтверждение того, что он в настоящее время в неизвестности, в чем Сторожевский стан. совет удостоверяет.

Председатель с/совета (подпись)

Секретарь (подпись)

Рекомендуем председателю стансовета взять такое удостоверение и для себя. По крайней мере никто тогда не будет разыскивать этого умного дядю, чтобы посмотреть в его ласковые и доверчивые глаза и сочувственно пожать руку, написавшую такие мудрые строки.

ГРУСТНЫЙ РОМАН

Не каждый документ может претендовать на звание исторического. И не всякая личная жизнь должна делаться достоянием широких масс. Все это верно, но для гр. Карамышева мы делаем исключение, ибо он подарил человечеству совершенно исключительный исковой документ, который явно вопиет об опублковании:

Директору завода «Самооточка» тов. Лащук.

От Карамышева Н., проживающего по улице Солынка, 8, кв. 43.

Заявление.

Прошу В/воздействия на тр-к из бухгалтерии Кастову и Макаеву, которые за мой счет ходили в кино и кафе, деньги же на мое требование по 6 руб. возвращать не хотят. Я в настоящее время 3 недели очень в деньгах нуждаюсь и нести расход за них в крайнем случае обещать не желаю, так как тр-ка Макаева действовала по указаниям тов. Панкина, о чем она проговорилась и учинила в кино безобразия, подозвав своими жеманами к себе компанию выпивших ребят, 2/III—1935 г.

Карамышев.

Люди с таким тактом и с такой нежно-коммерческой чувствительностью рождаются один раз в сто лет. И то совершенно напрасно.

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

Мы знаем, что это очень ответственная и трудная нагрузка, но редактор обязан читать газету, которую редактирует. Или хотя бы его заместитель. Мы не придирчивые.

В редакции «Восточносибирской правды» это мудрое правило не в почете. Поэтому в № 86 заявление дирекции бани о борьбе с грязью и кражей одежды появилось под таким неожиданным заголовком:

В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С САНИТАРИЕЙ В БАНЯХ

Отличиться на таком участке борьбы, повидимому, не очень трудно. Так же, как и на фронте неграмотности. Тем более, что есть такие славные бойцы, как некоторые работники редакции «Восточносибирской правды».

БЕЗ КУМОВСТВА

24 апреля был слет работников почты и телеграфа в городе Баку. Нарком связал А. И. Рыков своевременно отправил слету поздравительную телеграмму. «Доставили» сами себе эту телеграмму бакинские телеграфисты только через четыре дня после слета, т.-е. 28 апреля. Все.

От своего наркома! Себе самим! Через 4 дня!

Молодцы! Никакого, как говорится, кумовства. Ценим апт поздравляем бакинских телеграфистов железной выдержкой апт желаем скорейшего изжития таких порядков тчк.

ДОВЕДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

„ВСЕ МОЕ“ — СКАЗАЛ ЛАНДИН

Участковый инспектор милиции при Упорнейском сельсовете Армавирского района Ландин решил привлечь дополнительный доход. Без ведома колхозников Ландин заключил договор с Упорнейской лавкой Госспирта на перевозку колхозными лошадьми водки. Деньги за перевозку — сто рублей — Ландин положил себе в карман.

В селе развилась спекуляция хлебом. Ландин сделал вид, что решительно борется со спекулянтами, — арестовал и посадил в подвал на сутки десятилетнего мальчика.

Селькор «Еж» написал обо всем этом в «Крокодил». Приговором военного трибунала Ландин осужден на 2 года лишения свободы.

„ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА“

Весело жилось в зерносовхозе «Яккобат», в Узбекистане. Настолько весело, что преданным рабочим совхоза становилось грустно, когда они видели, как пьянствуют и разлагаются отдельные члены партии.

По материалам «Крокодила» секретарь партийного комитета совхоза Чирочкин, зав. мастерскими Незванов и управляющий 1-м отделением Ефременков исключены из партии. На директора совхоза Курбанова, его заместителя Ламко и других ответственных работников совхоза наложены партийные взыскания.

ПОЙМАННЫЙ ДВУРУШНИК

Директор Пермского завода «Красный партизан» Власов был активным троцкистом. Обманув доверие партии, Власов окружил себя чуждыми людьми, чужаки на заводе пользовались неограниченными правами и творили произвол.

Пермский горком партии долго не принимал никаких мер. После вмешательства «Крокодила» и Уполномоченного Комиссии партийного контроля по Свердловской области т. Папарда Пермский горком исключил из партии за активную троцкистскую деятельность двуррушника Власова.

„ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ“

Директор Черемшанского Лесозаготовительного района (Куйбышевского края) Исаев снимал с работы неудобных ему комсомольцев и партийцев, а на их место сажал родичей и своих. Полученную райкомом премию распределял среди руководящих работников. Общественную комсомольскую работу в районе совсем развалили. Самокритика преследовалась.

О безобразиях в районе Крокодил сообщил Новомалыглинскому райкому партии. Директору Лесорайона объявлен строгий выговор, партийное руководство смещено, комсомольский комитет раслушен. Делом заинтересовались следственные органы.

50

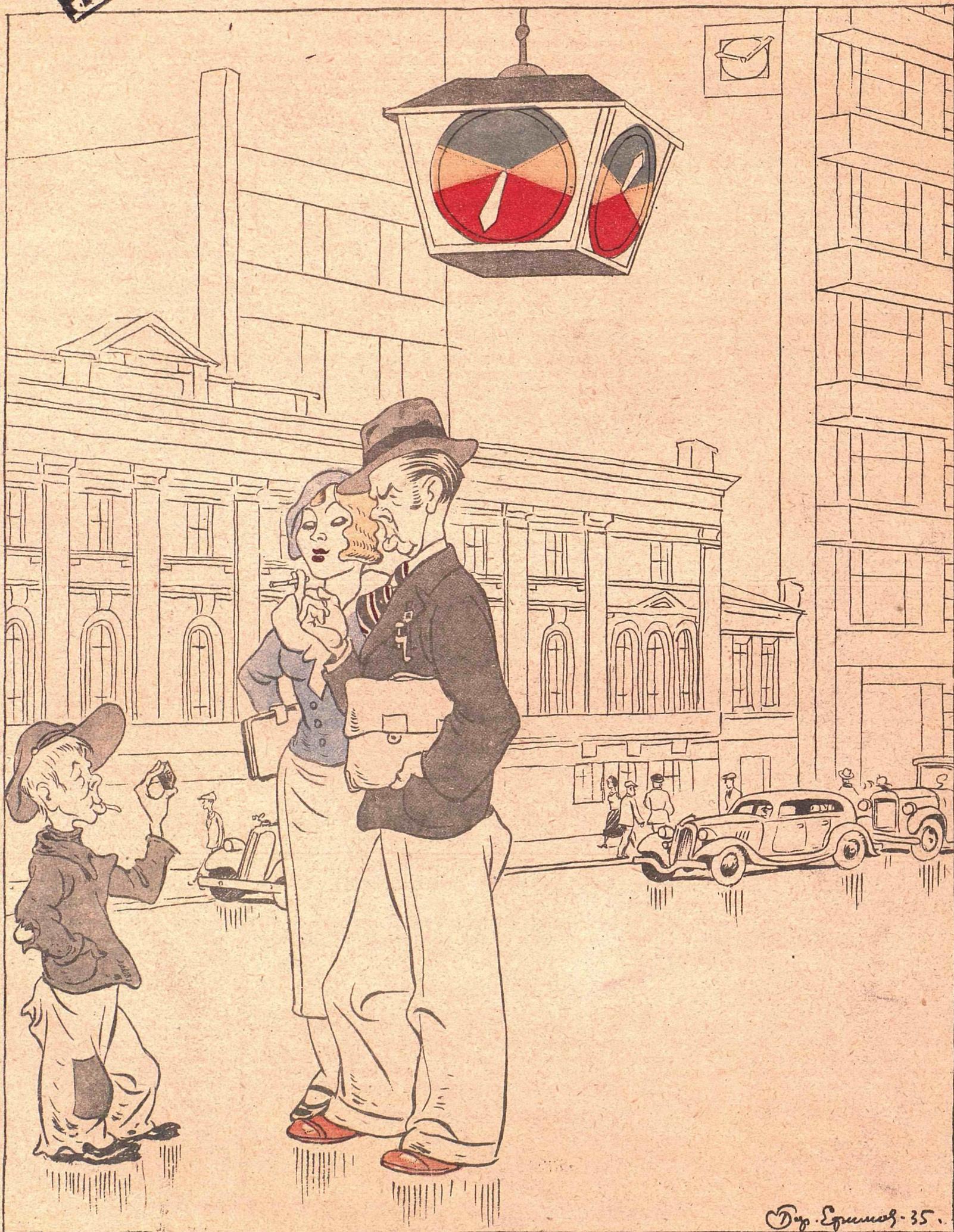
Минист. Просвещения
21 ИЮН 35
Л. С. Давыдов

М4233 ✓

АЛИМЕНТАРНАЯ ИСТОРИЯ

28 ИЮН

Рис. Б. С. Ермилов

Б. С. Ермилов - 35.

— Папочка, купи спичек!..

А. П.

188-105